

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ЗЫКИН

кандидат исторических наук, доцент
Технологический институт – филиал Национального ис-
следовательского ядерного университета «МИФИ»
(Лесной, Российская Федерация)
zivverh@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР В СТРАТЕГИИ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Период «социалистической индустриализации» конца 1920-х – начала 1940-х годов в истории Советского Союза, приведший к кардинальным трансформациям в экономике Европейского Севера, привлекает многих исследователей грандиозными проектами и степенью их реализации, в том числе в лесной промышленности, ставшей ведущей отраслью макрорегиона. Несмотря на наличие серьезных исследований по истории отрасли, регионов, место лесной промышленности Европейского Севера в стратегии первого пятилетнего плана (1928–1932 годы), который задал основные векторы развития отрасли и макрорегиона, изучено недостаточно. Актуальным представляется исследование проблемы с позиции концепции модернизации. Автором впервые предпринят анализ показателей первого пятилетнего плана и статистических сведений, выделены модели развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера. Рассмотрены особенности реализации первой пятилетки в отрасли. Сделаны выводы о планировании развития лесной промышленности Европейского Севера в направлении освоения новых лесных массивов, комбинирования сфер механической обработки и глубокой переработки древесины, увеличения экспорта лесных ресурсов и материалов. В результате реализации первого пятилетнего плана произошла корректировка моделей региональных лесопромышленных комплексов в сторону развития заготовки и механической обработки леса, отклонения ряда проектов комбинированных производств.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, Европейский Север, Карелия, Северный край, Коми автономная область, первый пятилетний план, модели развития

Для цитирования: Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы Европейского Севера СССР в стратегии первого пятилетнего плана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549

ВВЕДЕНИЕ

Северные территории Восточно-Европейской равнины, или Европейский Север [7]¹, играли важную роль в истории России, Советского Союза и занимают значимое место в современной экономике и геополитике страны, обладая уникальным географическим расположением и ресурсным потенциалом. В истории освоения этого макрорегиона решающей стала «социалистическая индустриализация» конца 1920-х – начала 1940-х годов. Одним из приоритетных направлений развития Европейского Севера, обладавшего значительными запасами лесных ресурсов, сплавыми путями, портами, в этот период стал лесопромышленный комплекс. В годы подготовки и реализации первого пятилетнего плана (1928–1932 годы) были заданы основные тренды развития отрасли: масштабное освоение лесных массивов, комплексная переработка древесины, экспорт лесных ресурсов и материалов. Сопутствующими факторами стали репрессивная по-

литика Советского государства и административно-территориальная реформа, в результате которой макрорегион включал Карельскую автономную республику и Северный край (включая Коми автономную область). Эти три субъекта имели также свои особенности развития экономики, в том числе лесопромышленного комплекса. Хотя в материалах первого пятилетнего плана Карелия включена в состав Северо-Западного района, намеченные проекты в сфере транспорта свидетельствовали о тесной связи автономии и Северного края.

В основных городах региона сложились сильные научные учреждения и школы по исследованию истории Европейского Севера и отдельных территорий в период реализации первых пятилетних планов. В советский период исследователи рассматривали развитие территорий Европейского Севера в первой пятилетке в позитивном ключе, отмечая успехи партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств.

Научный анализ проблем планирования и реализации пятилетнего плана, в том числе в лесопромышленном комплексе, не предпринимался. К числу основных работ следует отнести публикацию И. В. Первозванского [15], диссертацию В. П. Пятовского² и научный отчет, подготовленный в 1960-х годах научными сотрудниками отдела истории Коми филиала Академии наук СССР по итогам изучения истории индустриализации региона в 1926–1937 годах, опубликованный только в 2018 году [6].

На современном этапе отмечается повышение интереса к истории Европейского Севера в период «социалистической индустриализации». У исследователей появились возможности работы с ранее недоступными архивными материалами, использования разнообразного методологического инструментария. Были изданы научные, научно-популярные труды по истории лесной промышленности [22], ее отдельных компонентов [8] и регионов Европейского Севера [10], [18], где рассматривается также период конца 1920-х – начала 1930-х годов. Среди работ по истории регионов следует отметить монографии Ю. М. Килина [9], С. И. Шубина [23], статьи А. А. Нисковского [12], [13], Л. А. Максимовой [11], С. Н. Филимончик [20], по истории спецссылки и исправительно-трудовых лагерей на Европейском Севере – статьи Н. М. Игнатовой [4], Е. В. Хатанзейской [21], М. В. Шульгиной [24].

Однако до сих пор не сформировано концептуальное представление о ключевых направлениях и особенностях развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера Советского Союза в стратегии первого пятилетнего плана, то есть на начальном этапе «социалистической индустриализации». Базовой теорией исследования является концепция модернизации [1]. В. В. Алексеев и Е. В. Алексеева указывали, что Советское государство шло

«по пути модернизации в русле мирового прогресса... другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровья нации» [2: 33, 34].

По проблемам модернизации регионов Европейского Севера в последние годы состоялись научные мероприятия, изданы сборники научных трудов [3], [5], [16]. В частности, С. Н. Филимончик отмечала быструю трансформацию региона в «индустриальный район с преобладанием очагов крупной промышленности всесоюзного значения» в конце 1920-х – начале 1940-х годов, осуществленную с использованием разнообразных методов принуждения. Вывод исследовательницы – в формировании экономической

модели, «позволяющей решать краткосрочные задачи, но неэффективной в расчете на перспективу» [20: 185].

Большое значение имеет разработка методологии исследования истории региональных лесопромышленных комплексов. О. И. Кулагин рассмотрел развитие лесопромышленного комплекса Карелии с позиций концепций «новой экономической географии». Он отмечал, что

«факторы “первой природы” (богатство природных ресурсов, выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) стали главными условиями формирования “наезженной колеи” развития Карелии в XX веке»,

но в 1930-х годах

«были нивелированы скачкообразными темпами индустриализации, не позволявшими выделять дополнительные средства центром региону на социально-культурное освоение данных территорий, а также пограничным характером республики» [10: 147, 151].

Выводы исследователя могут быть перенесены и на ряд других регионов с развитой лесной отраслью. Автор данной статьи проанализировал особенности лесопромышленного комплекса Уральского региона в рамках системного подхода³.

Основой исследования являются материалы первого и второго пятилетних планов, серии статистических сборников «Социалистическое строительство СССР», сборников документов «История сталинского ГУЛАГа», «Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера», «Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941». Автором впервые предпринят анализ показателей пятилетнего плана и статистических сведений, выделены модели развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера. Ключевые акценты сделаны на изучении направлений развития и финансирования отрасли в первой пятилетке, результатов ее реализации. Обращение к проблеме места лесной промышленности Европейского Севера в стратегии первой пятилетки актуально в связи с сохранением на современном этапе значимости отрасли в экономике макрорегиона, но в то же время ее тяжелым положением, вызванным в том числе трудностями освоения лесных массивов, привлечения трудовых ресурсов, закрытием предприятий.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ КАРЕЛИИ И СЕВЕРНОГО КРАЯ

На Европейском Севере большие объемы лесных насаждений, возможность дешевого способа

транспорта древесины – сплавом по многим рекам и озерам, наличие лесопильных предприятий и портов привлекали внимание государственных и региональных органов власти и способствовали повышению удельного веса лесопромышленного комплекса в экономике территории в конце XIX – первой четверти XX века. В ходе дискуссии, развернувшейся в конце 1920-х годов по вопросу будущего административного устройства северных губерний и вектора их экономического развития, столкнулись позиции регионов и центра. Местные политические элиты отстаивали комплексное развитие территории, ее постепенную колонизацию, интеграцию в экономику страны, причем с учетом традиций местного населения. Позиция центра предполагала формирование моноотраслевой экономики, основанной на активной лесозаготовке и идее превращения региона в «валютный цех страны».

Губернии Европейского Севера пытались протолкнуть в высшие органы власти проекты административного устройства и экономического развития территорий. Привлекательные идеи получения валютных средств за счет продажи за границу древесины, модернизации сфер заготовки, механической обработки и глубокой переработки леса, продвигавшиеся руководством Архангельской губернии и поддержанные высшими партийно-государственными органами, взяли верх. В результате был создан Северный край, объединивший территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми области. Альтернативные проекты и «оппозиция» были устранены. Основной экономической задачей этого административного субъекта стали увеличение объемов лесопромышленной деятельности и экспорта лесных товаров. Планами предусматривался рост заготовки лесных ресурсов в регионе с 21 млн м³ в 1931 году до 43 млн м³ в 1934 году⁴ [23: 134, 135, 138, 139, 140, 141, 142, 150–151, 313].

По первому пятилетнему плану в Северный край направлялись 273,2 млн руб. (22,4 % от инвестиций в лесопромышленный комплекс Советского Союза) – наибольшая сумма среди регионов РСФСР. В новое строительство в лесохимии направлялось 5,1 млн руб. (из 76,9 млн по стране), в лесопилении – 62,1 млн руб. (из 243,2 млн), в деревообработке – 9,3 млн руб. (из 89,1 млн), в целлюлозно-бумажной отрасли – 80,2 млн руб. (из 317 млн). Для Карелии объем вложений составлял 35,6 млн руб., в том числе 16,1 млн – в новое строительство. В Северном крае отмечался наибольший удельный вес вложений в лесную промышленность в структуре инвестиций в промышленность Высшего совета народ-

ного хозяйства – 91,1 %. В Карелии, где имелись значительные запасы лесных ресурсов, выгодное географическое положение, лесная промышленность становилась ведущей отраслью, даже при внешне небольших инвестициях. В лесную, деревообрабатывающую и бумажную отрасли направлялось 73,3 % вложений в промышленность⁵.

В Северном крае предполагалось построить 32 основных объекта стоимостью 174,4 млн руб., в Карелии – 8 объектов на сумму 21,3 млн руб. Основные средства планировалось потратить на возведение трех лесопильных заводов в Архангельске общей стоимостью 32,4 млн руб., двух лесопильных предприятий в Мезени (по 5,8 млн каждое), лесопильного и шпалорезного завода в Усть-Пинеге (6 млн), целлюлозных заводов в Архангельске (30 млн), Усть-Сысольске (30 млн, рассматривались еще два варианта размещения объекта), бумажного комбината в Котласе (30 млн). В Карелии крупными стройками являлись бумажная фабрика и сульфатно-целлюлозный завод в Кондопоге стоимостью 14,4 млн руб.⁶

Развитию лесопромышленного комплекса Северного края уделялось большое внимание в первом пятилетнем плане. Его разработчики рассматривали экономику региона как «огромный лесотранспортный комбинат». Наличие портов на Белом и Северном морях, сплавных рек (Северная Двина, Печора, Мезень, Онега), в бассейнах которых были сосредоточены крупные запасы древесины, выдвигало задачу развития лесной промышленности в северной части края. Помимо этого предполагалось активизировать заготовку древесины, строить предприятия по ее механической обработке и глубокой переработке (в том числе используя «нетоварный» лес и древесные отходы, создавая комбинированные производства). Тем более что потребности в лесных и бумажных товарах в Советском Союзе возрастали. В железнодорожном строительстве акцент делался на сооружение линий, которые позволили бы освоить отдаленные массивы и ориентировать лесную промышленность на внутренний рынок (Усть-Сысольск – Котлас – Галич или Усть-Сысольск – Пинюг – Галич). В перспективе было решение транспортной проблемы в Печорском крае: устройство водного соединения рек Печора и Кама либо строительство железной дороги. Проекты создания широтных магистралей (Сорока – Котлас, Архангельск – Мезень (Усть-Вашка) с продолжением до р. Обь) признавались нецелесообразными ввиду продолжительной окупаемости.

Объем производства пиломатериалов в Северном крае в 1926/27 году равнялся 1650 тыс. м³, из

которых 1330 тыс. экспортировались, 1155 тыс. м³ производились в Архангельске. Слабо были развиты деревообработка (одно предприятие в Архангельске и два – в Северо-Двинской губернии) и глубокая переработка леса (Сухонская фабрика в Вологодской губернии мощностью 14 тыс. т бумаги и 21 тыс. т. целлюлозы и небольшая Лальская фабрика). Фактический отпуск древесины в крае должен был возрасти с 16,7 млн м³ в 1927/28 году до 40,5 млн в 1932/33 году, в том числе делового леса – с 9,8 до 29,4 млн м³. Производство пиломатериалов к концу первой пятилетки планировалось в объеме 6,5 млн м³, из них 3 млн, в основном для экспорта, должно было изготавливаться в Архангельске. Еще одним крупным центром лесопиления становился Котлас, но для удовлетворения нужд внутреннего рынка. В Архангельске концентрировались мощности по выпуску целлюлозы (100 тыс. т). Другими важными центрами по глубокой переработке древесины становились Сухонский завод, который подвергался реконструкции, и Котлас, в котором намечалось строительство целлюлозно-бумажной фабрики. Целлюлозное производство в Коми области, по задумкам разработчиков плана, должно было развиваться только в связи с сооружением железной дороги. Лесохимия сосредоточивалась в Архангельске, Котласе, Усть-Сысольске и других поселениях Коми области⁷.

В Коми области, согласно генеральному плану развития народного хозяйства региона на 1925/26–1940/41 годы, основные производственные фонды промышленности должны были вырасти более чем в 163 раза. В 1940/41 году 86,6 % фондов должно было приходиться на лесную отрасль, в том числе 79,4 % – на целлюлозно-бумажную [6: 76, 79]. Впечатляют фантастические цифры индустриального развития (пусть отсчитываемые от относительно низких показателей), сохранение моноотраслевого характера экономики и мощное развитие сферы глубокой переработки древесины. Хотя неопределенные еще характер и направления индустриализации, возможность проводить всесторонние обсуждения планов на региональном уровне стимулировали областные органы власти намечать значительное развитие тех отраслей, от которых зависели доходы бюджета.

В марте 1929 года на IX областной партийной конференции, обсуждавшей пятилетний план, предполагалось объем заготовки лесных ресурсов увеличить до 3,8 млн м³ в 1932/1933 году (в 1928 году – около 1 млн м³). Ввод в строй предприятия по глубокой переработке древесины позволил бы перейти к сплошным рубкам в лесных массивах и довести объем заготовки леса до 7,3 млн м³ [6: 81, 92]. В 1929 году Цен-

тральный комитет ВКП(б) своим постановлением по докладу Коми краевого комитета установил размер лесозаготовок в регионе на 1932/33 год в 21 млн м³. В планах звучали предложения направить в лесопромышленный комплекс Коми области 95 % всех вложений по линии промышленности. В финальном варианте первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Коми области определялось строительство лесопильного, ящично-клепочного, фанерно-лыжного, экстракционно-канифольного и других заводов, возведение Сыктывкарского целлюлозно-бумажного комбината без объяснения причин было отложено [13: 183, 184, 185]. В связи с направлением большого числа спецпереселенцев в лесопромышленный комплекс Коми автономной области плановые показатели заготовки лесных ресурсов значительно возросли. Уже на 1930 год планировалось заготовить в Северном крае 65 млн м³ древесины, принимая во внимание то, что на территории Коми области находилось более 50 % лесных массивов [6: 82].

Развитие лесопромышленного комплекса Карелии в 1920-х годах, связанное как с лесостроительством, освоением лесных массивов, реконструкцией предприятий по механической обработке древесины, так и со строительством целлюлозно-бумажных производств, стало значимым заданием для следующего десятилетия. Однако в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов развивался конфликт интересов между региональными властями, выступавшими за сохранение управления лесопромышленными предприятиями и развитие механической обработки и глубокой переработки древесины, и центральными партийно-государственными органами, стремившимися нарастить объемы экспорта круглого леса и пиломатериалов, передать производства союзным хозяйственным ведомствам для облегчения реализации этой задачи.

Значительные объемы заготовки лесных ресурсов в регионах, перспективных с точки зрения близости к рынкам сбыта, индустриальным центрам, размещения предприятий, еще в конце 1920-х годов вызвали дискуссию плановых и партийно-государственных органов о размере отпуска леса. В частности, в 1929 году Госплан Карельской республики в докладе VIII Всекарельскому съезду советов указывал на необходимость увеличения отпуска древесины только до 4970 тыс. м³ в 1932 году по сравнению с 4275 тыс. м³ в 1927/28 году из-за дефицита сырья в ряде районов. Данные расчеты основывались на принципе равномерного и неистощительного лесопользования. Однако, как отмечал И. В. Первозванский, в 1930–1940-х годах основным фак-

тором развития лесной промышленности в регионе стало «максимальное и наиболее легкое удовлетворение потребностей народного хозяйства в древесине». Отсюда возник принципиально другой вариант Госплана СССР – увеличить объем заготовки лесных ресурсов к концу второго пятилетнего плана до 35 млн м³ в год [14: 41]. Такая версия могла исходить только из общего представления плановых органов о наличии запасов древесины в Карелии, но не учитывала размеры и направления капитальных вложений.

В титульном списке первого пятилетнего плана значились следующие объекты: лыжная и фанерная фабрики в Петрозаводске, лесопильные заводы в Кондопоге и Кеми, фабрика строительных деталей в Сороке. К концу пятилетки должно было целиком завершиться возведение Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината. Объем заготовки лесных ресурсов в 1932 году планировалось увеличить до 8,2 млн м³, в том числе деловой древесины – 4,4 млн. В 1929 году Центральный комитет ВКП(б) поставил ряд важных задач по развитию лесопромышленного комплекса региона. Речь шла об увеличении объемов заготовки лесных ресурсов, реконструкции и механизации лесозаготовительных работ, которые должны были осуществляться круглогодично, создании постоянных кадров рабочих, системы их подготовки, развитии комплексной переработки древесного сырья [15: 46, 47]. Очевиден стандартный набор задач, характерный и для других осваивавшихся лесных территорий. На первом месте стояла реорганизация работы сферы заготовки лесных ресурсов, следствием чего могло стать формирование экономики сырьевой направленности. И только затем указывалось на необходимость развития предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Итак, на Европейском Севере природные условия, наличие портов и близость к европейским рынкам способствовали становлению лесопромышленного комплекса в качестве регионообразующей отрасли, развивавшейся на основе густой сети рек и озер, позволявшей сплавать большие объемы лесных ресурсов потребителям. Первым пятилетним планом были заложены модели развития региональных лесопромышленных комплексов. В качестве оснований для их выделения и важнейших характеристик следует отметить степень комплексности лесопользования (комбинированный, полуконбинированный, сырьевой компоненты модели), ориентацию на внутренний или внешний рынок (экспортный, экспортно-внутренний и внутренний компоненты). Планом предусматривалось создание на Европейском Се-

вере комбинированной, экспортно-внутренней модели.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

За 1927/28–1929/30 годы регионы, вошедшие в состав Северного края, существенно увеличили свой потенциал в плане развития лесной промышленности. Объем заготовки древесины увеличился с 7,6 до 20,3 млн м³, лесопиления – с 370 до 670 тыс. стандартов, производства целлюлозы – с 40 до 54 тыс. т, бумаги – с 21 до 42 тыс. т [23: 43]. С 1927 по 1932 год число лесозаводов на территории Северного края выросло с 51 до 75. В конце 1931 года начал работать крупный лесопильный завод № 16–17 [17: 46].

Масштабные планы по освоению лесных массивов Европейского Севера и строительству предприятий лесопромышленного комплекса при дефиците финансовых ресурсов, материальных, трудовых и организационных проблемах не могли не вызывать беспокойства руководителей партийно-государственных органов страны и РСФСР по поводу реализации данных проектов. В конце 1929 году с серьезной критикой в адрес руководства Северного края и лесных трестов выступил С. И. Сырцов, председатель Совета народных комиссаров РСФСР. Его основные претензии сводились к тому, что было невозможно в короткие сроки хозяйственно освоить леса Европейской Севера, к тому же денежных средств выделялось недостаточно⁸.

С. И. Шубин вполне уместно обозначил лесопромышленную деятельность Северного края как «кочевнический подход», который

«способствовал наращиванию темпов заготовки леса без развития соответствующих технологий заготовки, вывозки и переработки древесины» [23: 198].

Относительно стабильный лесной экспорт не стал залогом усиления роли Архангельска в качестве ведущего экономического центра на Европейском Севере. Если фактические показатели заготовки древесины в сезоны 1930/31–1931/32 годов ненамного опережали плановые задания, то далее начинается их хроническое отставание. К середине 1930-х годов наличие единого административного субъекта на Европейском Севере, лесопромышленный комплекс которого в основном переориентировался на удовлетворение потребностей других территорий страны, считалось нецелесообразным. В августе 1933 года Совет народных комиссаров СССР в постановлении «О работе лесной промышленности Северного края» указывал, по сути, на неудачи экономической политики по развитию лесной отрасли в регионе [23: 310, 311, 313, 315].

В Коми области во второй половине 1920-х – 1930-х годах роль лесопромышленного комплекса в стоимости валовой продукции региона существенно возросла – его удельный вес увеличился с 26 % в 1925 году до 51,2 % в 1932 году [6: 103, 117]. За 1929–1932 годы в Коми области было заготовлено 16 млн м³ леса, в том числе 8,4 млн – на экспорт [13: 186]. В начале 1931 года в специальном постановлении по докладу Коми областного исполнительного комитета на IX Областном съезде Советов президиум Центрального исполнительного комитета в качестве основного достижения в регионе назвал развитие лесопромышленного комплекса (рост объемов заготовки древесины с 726 тыс. м³ в 1913 году до 4442 тыс. в 1930–1931 годах и экспорта леса). Наряду с этим констатировались проблемы: слабая механизация лесозаготовительных работ, низкие темпы подготовки кадров из числа коренных жителей [12: 164]. Было реализовано строительство только нескольких лесозаводов.

В Карелии лесопромышленный комплекс получил серьезное развитие в сфере заготовки (что связано с близостью республики к рынкам сбыта) и глубокой переработки лесных ресурсов (во второй половине 1920-х годов здесь был построен Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, расширение которого продолжилось в последующие годы). Освоению новых лесных массивов на западе автономии способствовала государственная и региональная политика развития приграничной полосы, имевшая стратегическую цель [9: 41]. Однако с началом индустриализации карельский лес, как и национальное своеобразие автономии, стал разменной монетой в политике союзных партийно-государственных органов, стремившихся к централизации управления экономикой и использования природных ресурсов.

За годы первого пятилетнего плана в республике было заготовлено 26,2 млн м³ древесины, тогда как за 1923/24–1927/28 годы – 13,6 млн [15: 47]. Рост очевиден, но он оказался ниже плановых показателей. В 1928/29 году объем заготовки древесины в регионе достиг 4,72 млн м³, в 1932 году было вывезено 6,7 млн фестметров⁹. В октябре 1930 года основные предприятия автономии были приравнены к объектам общесоюзного значения и переданы в ведение союзных хозяйственных ведомств [10: 150]. Это было серьезным ударом по позициям республиканских властей в экономической политике.

В годы первой пятилетки укреплялся потенциал предприятий по механической обработке лесных ресурсов, и в частности по выпуску готовых изделий из дерева. Помимо замены устаревшего оборудования дополнительные рамы

установили на ряде лесопильных заводов. В конце 1931 года начала функционировать Петрозаводская лыжная фабрика с проектной мощностью 150 тыс. пар лыж в год [15: 50, 51, 52]. Достигнутые результаты не следует преувеличивать. Как отмечал Ю. М. Килин, план первой пятилетки по строительству предприятий (пять лесопильных заводов на 28 рам, пять целлюлозно-бумажных предприятий мощностью 200 тыс. т бумаги, четыре лесохимических завода) не был реализован целиком. Развитие сфер механической обработки и глубокой переработки древесины свелось в основном к реконструкции производств. Причину такого положения исследователь видел в незаинтересованности народных комиссариатов союзного значения в освоении северной территории, требовавшей более серьезных инвестиций, а также в срыве планов железнодорожного строительства. Поэтому активная лесозаготовка осуществлялась в южных районах Карелии [9: 63–64, 66, 72].

Важным фактором развития лесной промышленности на Европейском Севере стала репрессивная политика Советского государства, осуществлявшаяся в двух ключевых направлениях: «раскулачивание» с последующим переселением «кулаков» в специальные поселки в северных и восточных районах страны и создание исправительно-трудовых лагерей для заключенных. В частности, в результате первой волны «раскулачивания» в 1930 году в Северный край было вселено 230 тыс. человек¹⁰. По данным ОГПУ по Северному краю, в 1930–1931 годах к лесным трестам были «приписаны» 120 тыс. человек (из 132,9 тыс.) [21: 100]. Однако из-за неудовлетворительных условий проживания, снабжения, высоких норм выработки, приведших к смертности и побегам, в последующие годы происходило сокращение числа спецпереселенцев.

На Европейском Севере первые исправительно-трудовые лагеря, начавшие осуществлять лесопромышленную деятельность, образовались в течение 1920-х годов. К ним относятся Соловецкие лагеря особого назначения в Карелии (действовали с 1923 по 1933 год), Северные лагеря в Северном крае (с 1929 по 1931 год) [19]. Регионы страны, в которых дислоцировались исправительно-трудовые лагеря, пытались активнее вовлекать их в хозяйственную деятельность. Если на каком-либо участке лесопромышленной деятельности возникала чрезвычайная ситуация, одним из мобилизационных мероприятий являлась отправка туда заключенных. Такая ситуация произошла, к примеру, в Архангельском порту во второй половине 1929 года, когда по просьбе бюро Северного края на работы по раз-

делке сплавлявшегося по Северной Двине леса и погрузочные работы были срочно отправлены заключенные¹¹. В 1930 году полномочный представитель Объединенного главного политического управления по Северному краю Р. И. Аустрин предлагал передать лагерям региона работы по механизации вывозки древесины, эксплуатации лесопильного завода № 48 треста «Северолес», одного из крупнейших построенных в эти годы, организации лесозаготовок по южному и восточному побережью Белого моря. Оказалось, что Управление Северными лагерями особого назначения обладало достаточным количеством рабочих и специалистов в отличие от лесопромышленных предприятий, что позволяло выполнять производственные задания¹². Несмотря на данный оптимизм, отмечались многие проблемные обстоятельства, сопутствовавшие лесопромышленной деятельности¹³. К тому же имелись примеры неудовлетворительной работы лагерей ГУЛАГа¹⁴.

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАНЫ

В масштабах Советского Союза итоги развития лесной промышленности на Европейском Севере выглядели впечатляющими, несмотря на невыполнение большинства показателей первой пятилетки. В 1928/29 году на Северный край приходилось 10,4 % заготовленной в стране древесины (четвертое место после Уральской, Ленинградской областей, Горьковского края), Карелию – 5,3 %. В 1932 году доля Северного края в общем объеме заготовки лесных ресурсов повысилась до 12 % (второе место после Уральской области), Карелии – снизилась до 4,2 %. За 1928/29–1932 годы удельный вес Северного края в заготовке деловой древесины в Советском Союзе увеличился с 14,3 до 15,9 %, Карелии – уменьшился с 6,7 до 5,3 %. В 1932 году Северный край занимал второе место среди регионов РСФСР в вывозке древесины (после Уральской области) с результатом 21 млн фемтметров (12,75 % от показателя по стране), первое – в вывозке делового леса (16,07 млн)¹⁵.

В 1928/29 году среди регионов Советского Союза наибольшие объемы пиломатериалов выпускались в Северном крае – 2179 тыс. м³, 14,2 % от показателя по стране (на Европейском Севере – 3115 тыс.). В 1932 году лидером оставался Северный край. Здесь за четыре года зафиксированы рост объемов производства на 1,3 млн м³ и удельного веса до 16,2 %. Среди экономических районов в лидеры вышел Европейский Север (за 1928/29–1932 годы рост объемов с 3415 до 4575 тыс. м³, удельного веса – с 20,3 до 21,3 %)¹⁶, оправдывая в эти годы по-

литику партийно-государственных органов по превращению региона во «всесоюзную лесопилку». В 1932 году среди экономических районов РСФСР по производству бумаги лидировали Северо-Запад (включая Карелию) (195,5 тыс. т, 41,5 % от всего объема), Центральная Россия (107 тыс. т, 22,7 %) и Европейский Север (72,6 тыс. т, 15,4 %)¹⁷. Лесопромышленный комплекс стал ведущей отраслью экономики Европейского Севера. Так, в 1934 году только лесозаготовки и лесосплав давали 47,4 % стоимости валовой продукции Карелии, 38,1 % – Северного края¹⁸.

Активное освоение лесных массивов, создание предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины в районе Архангельска, наличие портов способствовали удержанию за Северным краем ведущей роли в лесном экспорте. Вывоз лесных ресурсов и материалов из портов региона составлял в 1927/28 году 2236 тыс. м³, доля северных губерний в общесоюзном экспорте древесины равнялась 39 %. В 1930 году он возрос до 3646 тыс. м³, но спустя два года снизился до 2712 тыс. Положительным явлением следует считать рост экспорта пиломатериалов (за 1929–1935 годы с 1724 до 2545 тыс. м³), удельный вес которых в лесном экспорте региона колебался в разные годы от 60 до 70 %. В 1935 году на Северный край приходилось 31,2 % экспорта леса из СССР, пиломатериалов – 44,2 % [17: 46], [23: 43, 408].

За годы первой пятилетки возросла роль Карелии в лесном экспорте Советского Союза. Если в 1927 году из Карелии за границу вывозилось 193 тыс. м³ древесины, то в 1932 году – 538 тыс. плюс 221 тыс. шпал [15: 52]. Перемены в промышленной и экспортной политике Советского государства по отношению к Карелии вызывались близостью республики, располагавшей существенными лесными ресурсами, к рынкам сбыта, а также дефицитом финансовых средств для строительства мощных предприятий по глубокой переработке древесины, транспортной инфраструктуры. О. И. Кулагин отмечал, что увеличение объемов заготовки лесных ресурсов не соответствовало экономическим интересам региона, поскольку из-за высокой себестоимости карельского леса конкурировать со Швецией и Финляндией было сложно [10: 150].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За период с конца 1920-х по начало 1930-х годов Европейский Север Советского Союза (Северный край и Карельская автономная республика) существенно увеличил объемы лесопромышленной деятельности, став одним из лидеров среди макрорегионов страны, наряду с Уралом

и Сибирью. В то же время политика партийно-государственных органов по отношению к лесной промышленности, в том числе на Европейском Севере, выразившаяся в реформировании отрасли, корректировке плана, усилении экспорта лесных ресурсов и материалов, репрессиях, привела к трансформации моделей региональных лесопромышленных комплексов в сторону сокращения финансирования сфер механической обработки и глубокой переработки древесины. Не случайно в перечне основных объектов строительства Народного комиссариата лесной промышленности СССР на Европейском Севере на вторую пятилетку встречаются предприятия, сооружение которых началось в конце 1920-х – на-

чале 1930-х годов и которые не были реализованы (в первую очередь целлюлозно-бумажные производства в Архангельске, Котласе, Сыктывкаре). По итогам первого пятилетнего плана в Карелии и Северном крае формировались полукombинированные, экспортно-внутренние модели лесопромышленных комплексов. За счет развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины была сделана попытка (не реализованная полностью) преодолеть сырьевую ориентацию этих регионов, усилив экспортную составляющую лесопромышленной деятельности. В Коми области модель лесопромышленного комплекса характеризовалась преимущественно сырьевой и внутренней ориентацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Европейский Север включает территории современных Архангельской, Вологодской и Мурманской областей, республик Коми и Карелии, Ненецкого автономного округа. См., напр.: Истомина Э. Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3.
- ² Пятовский В. П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1974.
- ³ Зыкин И. В. Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. – первая половина 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2014. С. 33–43.
- ⁴ Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 125, 126, 127, 128, 129, 134, 147, 148, 150.
- ⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. Изд. 3-е. М., 1930. С. 568–571, 575, 577, 579, 581.
- ⁶ Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. С. 20, 69, 70.
- ⁷ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531.
- ⁸ Холодный дом России... С. 178, 179, 180.
- ⁹ Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 345.
- ¹⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 116, 117.
- ¹¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 76.
- ¹² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика Гулага. М., 2004. С. 64–65.
- ¹³ Там же. С. 59–60.
- ¹⁴ Там же. С. 60–62.
- ¹⁵ Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1934. С. 132.
- ¹⁶ Там же. С. 127.
- ¹⁷ Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 72.
- ¹⁸ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. 60–63.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Введение // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: Монография. М.: Наука, 2000. С. 3–9.
2. Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Модернизация России: назад в будущее? Екатеринбург: Академкнига, 2000. 40 с.
3. Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. 192 с.
4. Игнатова Н. М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950-е гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Материалы междунар. науч. конф. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 433–449.
5. Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72.) Сыктывкар, 2013. 284 с.

6. Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. 271 с.
7. Истомина Э. Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3. С. 15–27.
8. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: РАО «Бумпром»: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. 232 с.
9. Килин Ю. М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 143 с.
10. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX – XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
11. Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 1 (33). Сыктывкар, 2018. С. 94–102.
12. Нисковский А. А. Документы областных съездов советов как источник по истории промышленного развития Коми автономной области в 1921–1936 годах // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72.) Сыктывкар, 2013. С. 160–166.
13. Нисковский А. А. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в Коми крае // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: Материалы XI Всерос. науч. конф.: В 2 т. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. Т. 2. С. 181–187.
14. Первозванский И. В. О возможном размере главного пользования в лесах К-ФССР // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1951. № 1. Петрозаводск, 1951. С. 40–57.
15. Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959. С. 5–75.
16. Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. 244 с.
17. Санников Л. И. Краевое районирование и таможенная реформа конца 1920-х гг. Северный край во внешней торговле СССР // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. ст. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 43–47.
18. Северный лес на все времена. Сыктывкар: Издательская группа ООО «Коми республиканская типография», 2011. 431 с.
19. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (дата обращения 14.08.2019).
20. Филимончик С. Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // Российская история. 2009. № 3. С. 185–194.
21. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 93–104. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306
22. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
23. Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000. 463 с.
24. Шулгина М. В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (34). № 2. С. 129–134.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Ivan V. Zykin, PhD in History, Institute of Technology – Branch of National Research Nuclear University “MEPhI”
(Lesnoy, Russian Federation)
zivverh@mail.ru

REGIONAL TIMBER PROCESSING COMPLEXES OF THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE FIRST FIVE-YEAR PLAN STRATEGY

The period of “socialist industrialization” of the late 1920s and the early 1940s in the history of the Soviet Union, which led to radical transformations in the economy of the European North, attracts many researchers with its grandiose projects and the degree of their implementation in various spheres, including the timber industry, which became the leading industry of the macro-region. Despite the existence of serious studies on the history of the industry and the regions, the place of the timber industry of the European North in the strategy of the first five-year plan (1928–1932), which set the main vectors for the development of the industry and the macro-region, has not been sufficiently studied. The study of the problem from the perspective of the modernization concept seems relevant. The author performed the first-of-its-kind analysis of the first five-year plan indicators and statistical data, and identified models of development of the timber processing complexes of the European North regions. The article examines the peculiarities of the first five-year plan implementation in the studied industry. Conclusions are drawn regarding the European North timber industry planning oriented towards the development of new forest areas, the combination of mechanical processing and deep processing of wood, and the increase in exports of forest resources and materials. The first five-year plan

implementation resulted in the adjustment of the development models designed for the regional timber industry complexes towards the development of logging and mechanical processing, as well as the rejection of a number of combined production projects.

Keywords: timber processing complex, European North, Karelia, Northern region, Komi Autonomous Region, first five-year plan, development models

Cite this article as: Zykin I. V. Regional timber processing complexes of the European North of the USSR in the first five-year plan strategy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549

REFERENCES

1. Alekseev V. V. Introduction. *Russian modernization between the XVIII and the XX centuries: Monograph*. Moscow, 2000. P. 3–9. (In Russ.)
2. Alekseev V. V., Alekseeva E. V. Modernization of Russia: back to the future? Yekaterinburg, 2000. 40 p. (In Russ.)
3. Contribution of the repressed to the development of the European North of Russia and the Cis-Urals: Proceedings of the regional research symposium. Syktyvkar, 2004. 192 p. (In Russ.)
4. Ignatova N. M. Forced labor of displaced people as a systemic factor of industrial development of northern regions between the 1930s and the 1950s. *History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: Proceedings of the international research conference*. Moscow, 2013. P. 433–449. (In Russ.)
5. Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, ways of implementation and influence on the socio-economic, political, ethnodemographic and cultural development of the region. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 72.) Syktyvkar, 2013. 284 p. (In Russ.)
6. Industrialization of the Komi Autonomous Region: historical and source analysis and publication of the archival manuscript. Syktyvkar, 2018. 271 p. (In Russ.)
7. Istomina E. G. European North: regional approach. *Russian History*. 2009. No 3. P. 15–27. (In Russ.)
8. History of the pulp and paper industry in Russia. Arkhangelsk, 2009. 232 p. (In Russ.)
9. Kilin Yu. M. Border edge of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938. Petrozavodsk, 2012. 143 p. (In Russ.)
10. Kulagin O. I. The effect of path dependence in timber industry of Karelia as a factor of social and economic development of the region in the end of XIX – XX centuries. *Regional Studies*. 2015. No 1 (47). P. 145–152. (In Russ.)
11. Maksimova L. A. Consequences of industrial modernization in the European North-East of the USSR. *Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No 1 (33). Syktyvkar, 2018. P. 94–102. (In Russ.)
12. Niskovsky A. A. Documents of regional Congresses of Soviets as a source of historical information about the industrial development of the Komi Autonomous Region in 1921–1936. *Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, ways of implementation and influence on socio-economic, political, ethnodemographic and cultural development of the region. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No 72.) Syktyvkar, 2013. P. 160–166. (In Russ.)
13. Niskovsky A. A. Preparation and implementation of the first five-year plan for the development of the USSR national economy in the Komi region. *Ural Industrial: Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals Between the XVIII and the XXI Centuries. Proceedings of the XI all-Russian research conference*. In 2 vols. Yekaterinburg, 2013. Vol. 2. P. 181–187. (In Russ.)
14. Pervozvanskiy I. V. The possible scale of the principle forest exploitation of K-FSSR. *Proceedings of the Karelo-Finnish Branch of the Academy of Sciences of the USSR*. 1951. No 1. Petrozavodsk, 1951. P. 40–57. (In Russ.)
15. Pervozvanskiy I. V. Essays on the development of forestry and timber industry of Karelia. *Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Issue XIX. Issues of sustainable forest management in Karelia*. Petrozavodsk, 1959. P. 5–75. (In Russ.)
16. Regional policy and development challenges of the European North: a view from the XX to the XXI century. Arkhangelsk, 1999. 244 p. (In Russ.)
17. Sannikov L. I. Regional zoning and customs reform of the late 1920s. Northern region in the USSR foreign trade. *European North: problems of territorial management and development: Collection of research articles*. Arkhangelsk, 2010. P. 43–47. (In Russ.)
18. Northern forest for all time. Syktyvkar, 2011. 431 p. (In Russ.)
19. System of corrective labor camps in the USSR, 1923–1960. Reference book. Moscow, 1998. Available at: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (accessed 12.08.2018). (In Russ.)
20. Filimonchik S. N. Modernization processes in the European North of Russia in the 1920s and the 1930s: socio-economic aspects. *Russian History*. 2009. No 3. P. 185–194. (In Russ.)
21. Hatanzeyskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of Northern region in 1929–1936. *Modern History of Russia*. 2016. No 3 (17). P. 93–104. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306 (In Russ.)
22. Shegelman I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
23. Shubin S. I. Northern region in the history of Russia. Problems of regional and national policies in the 1920s and the 1930s: Monograph. Arkhangelsk, 2000. 463 p. (In Russ.)
24. Shulgina M. V. Special purpose camps of the Solovetsky Islands and timber industry of the European North of Russia (1923–1933). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010. Vol. 12 (34). No 2. P. 129–134. (In Russ.)

Received: 13 April, 2020